

UDC: 303.1

DOI: 10.30936/2227_7951_2022_14_21_43

Р. ЛАУЭР

ПРЕДШЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК?

***Аннотация:** В статье обосновывается позиция «Онтология важна!-аргумент» (ОВ!-аргумент) и этот тезис проверяется, опираясь на феномен вариантности кванторов, рассматриваемый в метаонтологии. Автор утверждает, что, будучи применённым к базовым рассуждениям в ОВ!-аргументе, вариантность кванторов (представление о том, что квантор существования имеет различные значения) позволяет выявить две модели первичности онтологии: реалистскую и прагматистскую. Доказывается, что прагматистская интерпретация первичности методологии возлагает особое бремя на сторонников реалистского ОВ!-аргумента, и они должны успешно справиться с этим бременем для того, чтобы их аргументация была обоснованной. Вместо того, чтобы опираться на представление о том, что полезная для науки социальная онтология расчленяет социальный мир на составные части, наша прагматическая альтернатива констатирует, что желательность социальной онтологии зависит от её эмпирической ценности. Эта ценность понимается в плане способности некоторых утверждений или теорий формулировать умозаключения относительно данных предсказаний и/или объяснений. Это обращение к функциям умозаключений не требует убеждённости в «позиционировании» каких-либо заранее постулируемых сущностей. Выбор между прагматистской и реалистской точкой зрения возлагает существенное бремя доказывания на сторонников реалистского ОВ!-аргумента. Они должны так или иначе склониться к определённому решению, чтобы их ар-*

Лауэр Ричард – PhD, ассистент профессора, Университет Святого Лоуренса (Кантон, США); электронный адрес: rlaueg@stlawu.edu. Переводчики выражают Р. Лауэру большую признательность за разрешение опубликовать его статью на русском языке.

гументация о необходимости всякий раз расчленять социальный мир на сущности оказалась далее значимой для теоретического прогресса в социальных науках.

Abstract: *I call “Ontology Matters!” (OM!) argument and assess these arguments by drawing on the phenomenon of quantifier variance discussed in metaontology. I argue that when applied to the basic reasoning in OM!-argument, quantifier variance (the view that the existential quantifier has multiple meanings) reveals two ways in which ontology may be prior to social science methodology: one realist and one pragmatic. Furthermore, I argue that a pragmatic interpretation of ontology’s priority gives proponents of realist OM!-argument a special burden that they must satisfy to render their argument successful. I present a pragmatic alternative to realist OM!-arguments. Instead of relying on the idea that scientifically useful social ontology cuts the social world at its joints, the pragmatic alternative states that the desirability of a social ontology depends on its empirical merits. These merits are understood in the philosophy of science, there is skepticism about the prospects for traditional armchair methods of inquiry used in analytic philosophy, that is, analytic metaphysics or ontology.*

Ключевые слова: *Р. Лауэр, социальная онтология, методология социальных наук, метаонтология, философия социальных наук, реализм, антиреализм*

Keywords: *R. Lauer, social ontology, methodology of social sciences, meta-ontology, philosophy of social sciences, realism, antirealism.*

1. Введение

Социальная онтология как дисциплина изучает природу и свойства социального мира. Она стремится ответить на традиционные онтологические вопросы о природе групп, институтов и всего остального, что может быть классифицировано как «социальное». Во многом уподобляясь традиционной аналитической онтологии, чья цель — определить, что наполняет мир, социальная онтология исследует проблему того, что наполняет этот социальный мир, и она применяет характерно философские (умозрительные) методы для того, чтобы нарисовать верную картину этого мира.

Некоторые философы оптимистично считают, что так понимаемая социальная онтология может способствовать эмпирическому успеху в социальных науках (см. прим. 1), где, как уже давно замечено, научные достижения некоторого рода остаются недостижимыми, — к числу которых относятся новые и точные предсказания [5, 6, 25]. В частности, Эпштейн [6] и Сёрль [26] утверждают, что соци-

альная онтология может способствовать успешным предсказаниям и объяснениям, рисуя истинную картину социального мира. В данной статье я рассматриваю то, что считаю общей формой различных аргументов в пользу такой позиции, которую я обозначаю как «Онтология важна!-аргумент» (ОВ!-аргумент) и проверяю свой тезис, опираясь на феномен вариантности кванторов, рассматриваемый в метаонтологии. Я утверждаю, что, будучи применённым к базовым рассуждениям в ОВ!-аргументе, вариантность кванторов (представление о том, что квантор существования имеет различные значения) позволяет выявить две модели первичности онтологии, реалистскую и прагматистскую. Далее я доказываю, что прагматистская интерпретация первичности методологии возлагает особое бремя на сторонников реалистского ОВ!-аргумента, и они должны успешно справиться с этим бременем для того, чтобы их аргументация была обоснованной.

Аргумент, который я идентифицирую в качестве ключевого и общего для различных типов ОВ!-аргумента, декларирует, что онтология содействует успеху науки (успеху в научном объяснении и предсказании) по той причине, что ответы на онтологические вопросы могут способствовать успеху эмпирических исследований. И Сёрль, и Эпштейн приводят доводы в пользу априорных онтологических рассуждений, широко используя для достижения своих целей инструментарий аналитической философии. Если их аргументация приемлема, то это свидетельствует о том, что успешное онтологическое теоретизирование, расчленяющее (социальный) мир на составные части, играет решающую роль в прогрессе науки. Я называю эти доводы «реалистским ОВ!-аргументом».

Но я предлагаю прагматистскую альтернативу этому аргументу. Вместо того, чтобы опираться на представление о том, что полезная для науки социальная онтология расчленяет социальный мир на составные части, наша прагматическая альтернатива констатирует, что желательность социальной онтологии зависит от её эмпирической ценности. Эта ценность понимается в плане способности некоторых утверждений или теорий формулировать умозаключения относительно данных предсказаний и/или объяснений. Это обращение к функциям умозаключений не требует убеждённости в «позиционировании» каких-либо заранее постулируемых сущностей. Выбор между прагматистской и реалистской точкой зрения возлагает существенное бремя доказывания на сторонников реалистского ОВ!-аргумента. Они должны, так или иначе, склониться к определён-

му решению, чтобы была их аргументация о необходимости всякий раз *расчленять социальный мир на сущности* оказалась далее значимой для теоретического прогресса в социальных науках.

Моё исследование этого вопроса будет проходить следующим образом. В разделе 2 я реконструирую базовые рассуждения, характерные для ОВ!-аргумента. В разделе 3 я введу в рассмотрение «вариативность кванторов» и использую её для того, чтобы сформулировать прагматистскую интерпретацию ключевого ОВ!-аргумента. Далее я обращусь к онтологическим дискуссиям в эволюционной экономике для того, чтобы обосновать свою прагматистскую альтернативу. А завершу рассуждениями о возможности более широкого спектра применения своей теории, — в частности, о вероятной связи данной дискуссии с дебатами между научными реалистами и антиреалистами, и о той концепции социальной онтологии, которую можно положить в основу прагматистской альтернативы.

II. «ОВ!-аргумент»

ОВ!-аргумент приводится в пользу утверждения о том, что социальная онтология важна для предсказаний и объяснений в социальных науках. Также социальная онтология значима ещё и потому, что наилучшая онтология может содействовать улучшению этих предсказаний и объяснений. При наилучшем философском или донаучном понимании социального мира, скомбинированном с наилучшими научными методами, следует ожидать эвристически эффективных объяснений и предсказаний в социальных науках. Таким образом, концепции, разработанные в социальной онтологии, находили, находят и далее найдут нужное место в нашем научном инструментарии. Это позволяет социальной онтологии быть частью общего процесса построения научных теорий. И напротив, отсутствие объяснительных и/или предсказательных успехов в социальных науках сигнализирует об изъянах в нашем философском представлении социального мира или том типе понимания, что можно считать вводным словом в его научное понимание.

Рассмотрим несколько примеров. Джон Сёрль утверждает:

«Я полагаю, что там, где речь идёт о социальных науках, социальная онтология первична по отношению к методологии и теории. Она первична в том смысле, что, не имея ясного понимания природы изучаемого вами феномена, вы вряд ли разработаете правильную методологию и надлежащий теоретический аппарат для проведения исследования» [26, 443].

«Не имея» здесь предполагает, что, в отсутствие ясного понимания социального мира, нам не следует ожидать успешных прогнозов и объяснений в социальной науке. Аналогично, Литтл заявляет:

«Я считаю, что следует сосредоточить внимание не на социальных науках, а на лучшем понимании природы социального, — т.е. лучшей социальной онтологии, — в случае, если мы хотим добиться больших успехов в объяснении и анализе процессов социального изменения в XXI веке» [16, 1].

Эпштейн приводит сходные аргументы: «У онтологии есть последствия, и онтологические ошибки ведут к научным ошибкам. Убеждения относительно природы объектов в науке — из чего эти объекты состоят, от каких иных объектов онтологически зависят, — всегда встроены в научные модели» [6, 127].

Согласно исходным посылкам Эпштейна, ошибочная онтология некоторой модели или теории может привести и к научным ошибкам, — в особенности в аспектах объяснения и предсказания. «Ошибочна» та онтология, которая не в состоянии расчленять мир на составные части. Рассмотрим, к примеру, как Эпштейн использует для своих доказательств этого пункта клеточную теорию Вирхова. Вирхов считал, что организмы полностью состоят из клеток. Это вело к ошибочным объяснениям некоторых явлений (например, относительно порчи зубов) (см. прим. 2).

И наконец, как утверждает Лозе: «Есть вполне установившееся понимание того, чем могут быть онтологические исследования, а именно, они могут являться анализом явных и неявных предпосылок научных теорий и объяснительных схем — анализом онтологических требований к миру, предполагаемых научными теориями, моделями и связанными с ними объяснительными практиками» [17, 13].

У подхода Лозе более скромные притязания: он не выводит на первый план онтологическое теоретизирование, но при этом онтология у него расценивается как вспомогательный инструмент получения знаний. Она, в частности, может помочь при сопоставлении содержания некоторой теории и того фрагмента социального мира, который эта теория отображает, а это может привести к эмпирически плодотворным результатам (см. прим. 3). С точки зрения Лозе, онтологическое мышление в целом рассматривает социальные науки как объект исследования, объект онтологических штудий. Это, в свою очередь, означает то, что мы концентрируем основное внимание на категориях, — как их мыслят в целом социальные ученые, а не обязательно как их мыслят социальные онтологи. Однако (и

для подхода Лозе это имеет решающее значение) мы должны «выходить за рамки» теорий, — онтологические исследования должны обращаться к вопросу о том, имеют ли при этом определённые объекты определённые качества [17, 14] (см. прим. 4).

Взятые в совокупности, эти аргументы преследуют одну общую цель. Каждый из названных ученых утверждает, что мы должны исследовать «существующее» в целях улучшения наших моделей и теорий в социальных науках. Более того, каждый заявляет, что это можно сделать путем онтологического теоретизирования. Для Эпштейна и Сёрля — это также вопрос выведения априорных концептуальных схем, подразумевающих онтологические выводы. Последние, если они верны, помогают давать правильные объяснения (у Эпштейна ещё и точные предсказания) социальных явлений. Для Лозе — это вопрос изучения тех онтологических убеждений, что в социальных науках имплицитно присутствуют во всех теориях, — плюс желание получить ответы на вопросы о том, какие требования от лица этих теорий мы можем как бы предъявить окружающему нас социальному миру. В целом, аргументы ОВ! предполагают, что успех науки зависит от онтологии до такой степени, что корректная идентификация свойств мира будет содействовать результативности наших научных достижений.

Ключевую мысль, лежащую в основе ОВ!-аргумента, можно резюмировать следующим образом:

Онтология содействует успеху науки (успеху в объяснении и/или предсказании), потому что ответы на онтологические вопросы могут привести к успешному эмпирическому результату, то есть к верным предсказаниям и/или объяснениям.

Важнейшее понятие в этой формулировке — ответ на онтологический вопрос. Идея эмпирической значимости ответов на онтологические вопросы занимает центральное место в каждом из описанных выше подходов. Соответствующий смысл этого ответа требует от нас независимого от научного теоретизирования, и, в частности, постижения того, что собой представляют определённые объекты. То есть мы должны выходить за рамки того, что утверждают научные теории о некоторых объектах, — для того, чтобы получать наилучшие теории и модели относительно них.

Эта аргументация также опирается на определённое понимание онтологии. «Онтология», как я её понимаю, занимается поиском ответов на онтологические вопросы — т.е. на вопросы о том, что и как существует. В этом суть данного аргумента: цель социальной

онтологии – расчленять мир на составные части, и её сторонники при этом предполагают, что это будет неизменно приводить и к соответствующим эмпирическим истинам. В разделе 3 я раскрою содержание такой формулировки ОВ!-аргумента и приведу реалистское и прагматистское толкование данной аргументации.

Пока что следует спросить о предположительных мотивациях для ОВ!-допущения. Имеются ли очевидные случаи эмпирически полезного для обществоведов онтологического теоретизирования? То есть, есть ли у нас какие-то основания верить в истинность этого допущения? Вернемся к Эпштейну [6] и Лозе [17].

Сначала рассмотрим Эпштейна. Он предлагает мысленный эксперимент, цель которого – оспорить онтологический индивидуализм, т.е. утверждение о том, что факты о социальном мире полностью определяются фактами об индивидах (основываются на этих фактах). Эпштейн просит нас рассмотреть возможное социальное явление: «Старбакс» разоряется. Почему? Потому что одной ночью, когда все сотрудники фирмы спали, машины в её кофейнях сломались, и продавать напитки стало невозможно. Это стало причиной того, что задолженность «Старбакса» превысила его активы, и последовало разорение. Онтологический индивидуализм предполагает, что только факты об индивидах – работниках фирмы должны быть объяснением её неплатежеспособности. Но в данном случае представляется, как иные ресурсы «Старбакса» (не люди!) привели фирму к разорению. Таким образом, онтологический индивидуализм препятствует успешному объяснению/предсказанию, поскольку требует рассматривать только индивидов – сотрудников фирмы в качестве единственных факторов, предопределивших банкротство «Старбакса». Но мы можем справиться с этим препятствием, его отвергнув. Поэтому, согласно Эпштейну, именно ответы на онтологические вопросы о социальном мире способствуют эффективности социальных наук.

Теперь обратимся к Лозе. У него самый наглядный пример значимости онтологии для социальных наук – организационная экология (*organizational ecology*), где сегодня активно идут дискуссии о существовании дарвиновских механизмов отбора, действующих на группы или организации [10, 24]. Критика в адрес этой исследовательской программы, как представляется, по своему характеру онтологична: группы и организации попросту не могут эволюционировать, потому что у них нет важных характеристик, которые делают возможной эволюцию биологических популяций (генетическое

родство и, соответственно, наследуемые черты). Они есть совсем не то, что можно было бы назвать (как у Годфри-Смита [9]), «дарвиновскими популяциями», способными эволюционировать путём естественного отбора. В трактовке Лозе данный дискурс можно считать онтологическим в широком смысле – мы рассматриваем онтологические ограничения для эволюционирующих популяций и вопрос о том, распространяются ли те же самые ограничения на определённые группы. Эмпирическая плодотворность такого рода теоретизирования состоит в его способности приходить к определённым выводам о том, подлежат ли системы тем или иным видам объяснения (в данном случае, эволюционного объяснения). Ответ на онтологический вопрос о том, испытывают ли фирмы эволюционные изменения, привносит особое понимание в их поведение и, тем самым, может способствовать формулированию новых гипотез в этой сфере. Таким образом, согласно Лозе, правильные ответы на онтологические вопросы могут, опять же, приносить эмпирические выгоды.

Приведённые выше примеры предлагают весьма правдоподобные мотивации для того, чтобы утверждать, что онтологическое теоретизирование эмпирически плодотворно. А *rigor* ставя под сомнения некоторые утверждения о природе социального мира, в том числе и наиболее распространённые среди социальных ученых, мы можем либо расширять, либо сужать пространство возможных гипотез в социальных науках. Подталкивая науку к появлению новых и неожиданных гипотез, онтология тем самым способствует её удачной эвристике.

Насколько ценна эта отводимая онтологии функция? Учитывая ту роль, которую играют социальные науки, особенно экономика, в формулировании целей и путей реализации государственной политики, эта функция действительно важна. Рассмотрим аналогию аргумента Ван Фраассена [29, 15] против аналитической онтологии (см. прим. 5): он утверждает, что есть существенные различия в тех выгодах, которые можно ожидать, выбирая между научными теориями и онтологическими теориями. В медицине, когда речь идет об истинности представлений исследователей об эффективности некоторого лекарства, в моральном плане ставится на карту многое. Если у ученых ложные представления о его эффективности, может пострадать множество людей. Если их мнение истинно, это может быть благом для многих. В онтологии же, как утверждает Ван Фраассен, на карту ставится только абстрактная истинность или ложность наших представлений.

Аналогичные утверждения могут быть высказаны и в адрес социальной онтологии. Может ли она действительно вносить свой вклад в прогресс социальных наук? Эпштейн полагает, что аналитическая метафизика здесь может сыграть исключительно важную роль. Его концептуальная схема строится на принципе обоснования (grounding relation). Онтологические умозаключения Сёрля рождаются из конкретной концепции правил и свойств речевых актов. Исследователи, склонные к эмпиризму (как, например, я), могут отрицать релевантность каких-либо из этих проектов и указывать на видимую разницу между этими представлениями и практикой науки. Лозе говорит о том, что нам следует определиться с тем, имеют ли вообще объекты свойства, приписываемые им нашими теориями. Но для эмпирика разумно спросить, почему это утверждение не может быть увязано с процессом проверки и пересмотра гипотез в свете последующего пути к эмпирической достоверности. Независимая деятельность, называемая нами «онтологией», при этом исключается (будь то аналитическая онтология или иной подход). Можно настаивать, что ОВ!-аргумент идёт вразрез с эмпирической интуицией, демонстрируя, что успешная онтология, то есть выработка ответов на онтологические вопросы, которые расчлняют мир на составные части, является важнейшим элементом процесса пересмотра и проверки гипотез. Таким образом, если ОВ!-аргумент принимается, онтология займет центральное место в исследовательской практике науки.

Таким образом, многое зависит от разумного применения ОВ!-аргумента. Если он грамотно выстроен и продуман, то мы можем воспользоваться дальнейшими концептуальными ресурсами для усовершенствования социальных наук и, возможно, даже сделать социальную онтологию значимой для выработки государственной политики. Но в следующем разделе я даю критическую оценку ОВ!-аргумента и прихожу к заключению, что там, где ОВ!-аргумент успешен, он вовсе не требует никакой онтологии (и, следовательно, также и социальной онтологии), где онтологические вопросы «расчлняют» мир на составные части. Вместо этого я предлагаю ОВ!-аргумент, который ставит эмпирические качества онтологии в зависимость от её способности делать возможными умозаключения относительно предсказываемых явлений и новых экспланандумов.

III. Какую ценность имеет «ОВ!-аргумент»?

В этом разделе я раскрываю содержание ключевого ОВ!-аргумента и формулирую его различные версии. Чтобы сделать это, я

обращаюсь к феномену вариантности кванторов. В метаонтологии предметом спора является то, является ли квантор существования (экзистенциальный квантор) логики предикатов первого порядка однозначным (допускает лишь одно значение) или неоднозначным (допускает множество значений). Спорят также и о том, является ли он онтологически нагруженным, т.е. предполагает ли высказывание, его содержащее, а также онтологические убеждения. Ряд видных философов придерживается той точки зрения, что у квантора существования множество значений [1, 12, 18]. Другие полагают, что применение экзистенциального квантора вовсе не обязательно предполагает, что применяющий его фиксирует какие-либо объекты, связанные данным квантором [21].

В подразделе 3.1 мною будет охарактеризовано концептуальное пространство дискуссии о вариантности кванторов и я сосредоточу внимание на точке зрения Хофвебера [11, 12] (см. прим. 6). Он утверждает, что квантор существования имеет множество значений, и что одно из этих значений не несет онтологической нагрузки. В подразделе 3.2 я детально изложу новые формулировки «ОВ!-аргумента», вдохновлённые позицией Хофвебера. В подразделе 3.3 я рассмотрю эти идеи в контексте теории фирмы и современных эволюционных подходов в экономической теории.

3.1. Многие значения “Э”

Когда мы применяем кванторы существования в обычном повседневном языке, часто представляется, что они имеют много значений. Рассмотрим, к примеру, предложение «Некоторые библейские персонажи существовали, другие – нет» [2]. Может показаться, что это предложение, содержит противоречивое сочетание онтологического убеждения и отсутствия такового. Предложения, подобные этому, показывают, почему понимание кванторов существования как неоднозначных кажется привлекательным. Нам легче понимать такие предложения, если кванторы существования неоднозначны. К примеру, одна из возможностей дать оценку таким предложениям – интерпретировать кванторы существования как нейтральные в плане того, есть ли такие объекты, и допустить, что концепт «некоторые» никак не подразумевает того, что что-либо или кто-либо (в строгом смысле слова) «существуют». Тогда, задаваясь вопросом о том, что мы имеем в виду под словом «реально», мы вводим другую идею – идею «онтологического убеждения», где мы применяем квантор существования таким образом, что предполагается, что некоторые люди просто верят в существование некоторых библейских персонажей.

Возможность множественности значений кванторов существования, или “Э” открывает концептуальное пространство для (по меньшей мере) двух позиций:

(1) Приверженность однозначности: у квантора “Э” одно значение.

(2) Приверженность неоднозначности: у квантора “Э” множество значений.

Дискуссии о правильности этих точек зрения восходят к спору Куайна и Карнапа о природе онтологической убеждённости. Хорошо известно, что точка зрения Куайна [23] состояла в том, что «быть» — это быть значением связанной переменной — и тогда всякая вариантность значений “Э” отсутствует. Либо (другой случай) нечто служит значением переменной, приданной квантору существования, либо нет. Здесь естественно рассмотреть понятие логического домена. Сказать, что нечто есть F, это попросту сказать, что имеется нечто в указанном логическом домене, которое есть некоторое F. В противоположность этому, Карнап [1], как широко известно, различал внешние и внутренние вопросы существования. Первые касаются тех вещей, которые существуют независимо от используемого нами языка, а последние относятся к тем вещам, чьё существование предполагается некоторой языковой структурой. Для каждого из этих вопросов можно ввести особый квантор существования. Таким образом, Куайн олицетворяет сторонников однозначности, а Карнап — неоднозначности.

Есть и дальнейшие нюансы, которые можно добавить к этим разграничениям. Различение Карнапом внутреннего и внешнего существования допускает применение кванторов существования как к объектам, внутренним по отношению к языковой структуре, так и внешним по отношению к ней. Но можно занять и позицию неоднозначности, постулировав различные способы бытия. То есть, можно придерживаться взглядов Мейнонга (см. прим. 7) и считать, что есть разница между «есть» и «существует», — некоторые вещи могут быть, но не существовать (см. прим. 8). Соответственно, вышеупомянутое предложение о библейских персонажах предполагает различные виды или степени онтологической убеждённости. В частности, эта убеждённость может быть в отношении тех персонажей, которые существовали (existed) (обладали некоторыми физическими и/или реальными проявлениями в мире) и тех, что попросту есть (are) (не обязанных иметь каких-либо конкретных физических и/или реальных проявлений). Это отличается от подхода Карнапа, когда высказывания, подоб-

ные этому, можно релятивизировать в плане конкретной языковой структуры. Сказать, что тот или иной библейский персонаж существовал или не существовал, означает сделать имплицитные утверждения о логических следствиях высказываний в нашей языковой структуре.

Источником вдохновения для этой статьи стала позиция Хофвебера [11, 12]. Хофвебер – сторонник неоднозначности и различает два прочтения квантора существования – касающиеся «доменных условий» и «роли в умозаключениях». Это разграничение основывается также на карнаповском различении внутреннего и внешнего. Можно определить эти понятия следующим образом:

Доменные условия “ $\exists_{ду}$ ”: Высказывание «“Нечто есть F” выделяет нечто, попадающее в домен квантора. К примеру, высказывания вроде «нечто есть число» выделяет некоторый абстрактный объект.

Роль в умозаключениях “ $\exists_{ру}$ ”: Высказывание «“Нечто есть F” делает возможными умозаключения в нашем языке. К примеру, будучи спрошенным, «есть ли числа?», кто-то может ответить с помощью предложений, принятых в нашем языке: «Один – число, два – число. Следовательно, числа есть» [12].

Я хочу сделать особый упор на роль “ $\exists$ ” в умозаключениях, из-за того центрального места, которое она занимает в моем анализе ОВ!-аргумента. Этот квантор не предназначен для того, чтобы выделять вещи в мире, но он нужен, чтобы составлять умозаключения из предложений в языке [16, 25]. Для моих целей особый интерес представляют те высказывания, что позволяют нам делать выводы об экспланандах или предсказываемых явлениях (см. прим. 9). Также можно применять квантор существования в его умозаключительном прочтении для удовлетворения наших собственных научных интересов. Это будет главным при рассмотрении в следующем подразделе. Перед тем, как перейти к рассмотрению ОВ!-аргумента, я хочу представить еще один предмет для обсуждения. Я принимаю в целом хофвеберианский, а не мейнонговский подход к интерпретации утверждений о существовании. Могут спросить: почему? Отвечу, такова моя стратегия исследования. Решая вопрос о том, может ли социальная онтология вносить вклад в успехи социальных наук, я исследую вопрос о том, нужна ли нам способность приходить к истинным или верным представлениям касательно того, что существует во внешнем смысле вопроса, то есть в том смысле, что относится к «доменному» прочтению квантора существования. Мей-

нонг вводит два квантора, оба из которых можно трактовать как внешние, но моя задача – сначала решить, нуждаемся ли мы вообще во внешних кванторах. Поэтому хофвеберовско-карнаповское разграничение внутренних и внешних кванторов вполне подходит для целей этой статьи.

3.2. Новые формулировки «ОВ!-аргумента». С учетом сказанного, вернемся к рассмотрению ОВ!-аргумента. Я изложил ОВ!-аргумент следующим образом:

Р1. Ответы на онтологические вопросы могут способствовать эмпирическому успеху.

∴ Онтология может внести вклад в успешность науки (её успехи в объяснении и предсказании).

Чтобы преподнести этот тезис более убедительно, можно выявить дополнительные допущения. Наша аргументация должна быть развернута таким образом, чтобы было ясно, где квантор существования становится частью аргументации. Учитывая это, рассмотрим следующую развернутую версию ОВ!-аргумента:

Р1. Онтология стремится найти ответы на онтологические вопросы.

Р2. Ответ на онтологический вопрос есть высказывание в форме «Нечто есть F».

Р3. Высказывания в форме «Нечто есть F» могут способствовать эмпирическому успеху.

∴ Онтология может способствовать успеху науки.

Первая посылка выражает ту мысль, что я высказывал ранее: понятие «онтология», применительно к данному аргументу, относится к данной интеллектуальной дисциплине и её целям. Аналитические онтологи имеют конкретные эпистемические цели, характеризующиеся как ответы на онтологические вопросы, то есть, применение определённого аналитического инструментария для обнаружения того, что есть (см. прим. 10). Вторая посылка аргумента описывает место, где мы можем ввести релевантность связанности квантором существования для аргументации. Здесь я следую Хофвеберу. Можно сказать, что онтологический вопрос имеет форму «Есть ли некоторые F»? , а ответ на него – форму «Нечто есть F», где используется квантор существования. И наконец, третья посылка констатирует, что высказывания в такой форме могут способствовать эмпирическому доказательству (которое для меня обозначает те или иные формы научного доказательства). Эта посылка устанавливает связь между онтологическими и научными результатами. Если

бы нам предстояло отстаивать эту посылку, нам потребовались бы случаи, когда введение такого высказывания способствовало научным целям.

Важнейший момент, как я указывал ранее, это то, в чем состоит ответ на тот или иной онтологический вопрос. Мы можем интерпретировать высказывания в форме «Нечто есть F» с помощью кванторов роли в умозаклчениях и доменных условий. Следствия этого важны для верности ключевого аргумента.

Предположим, что онтологические вопросы понимаются в плане “ $\exists_{py}$ ”. Тогда мы получаем прагматистский ОВ!-аргумент:

P1. Онтология стремится найти ответы на онтологические вопросы.

P2. Ответ на онтологический вопрос есть высказывание в форме “ $\exists_{py}(x) Fx$ ”.

P3. Высказывания в форме “ $\exists_{py}(x) Fx$ ” могут способствовать эмпирическому успеху.

∴ Онтология может способствовать успеху науки.

Если онтологические вопросы понимаются в плане “ $\exists_{ду}$ ”, то мы получаем реалистский ОВ!-аргумент:

P1) Онтология стремится найти ответы на онтологические вопросы.

P2) Ответ на онтологический вопрос есть высказывание в форме “ $\exists_{ду}(x) Fx$ ”.

P3) Высказывания в форме “ $\exists_{ду}(x) Fx$ ” могут способствовать эмпирическому успеху.

∴ Онтология может способствовать успеху науки.

В первом аргументе, приведенном выше, “ $\exists_{py}$ ” это квантор роли в умозаклчениях. Во втором “ $\exists_{ду}$ ” — квантор доменных условий. Последний аргумент лучше отражает представления Серля, Эпштейна и Лозе, описанные ранее.

Эти интерпретации порождают новые вопросы об аргументах, подобных тем, что выдвинул Эпштейн. Аргументация Эпштейна успешна, потому что предлагает некоторую онтологию, удачно расчленяющую мир на составные части? Или она успешна благодаря эффективности инструментов онтологического мышления в контекстах социальных наук (даже не постулируя независимый домен объектов)? То есть становится очевидным, что прагматистский и реалистский ОВ!-аргументы соответствуют различным позициям, которые можно занимать относительно приоритета онтологии по отношению к методологии социальных наук.

Прагматистская точка зрения: социальная онтология может способствовать эмпирическому успеху, вводя в теории/модели социальных наук высказывания, которые делают их эмпирически адекватными. Эти высказывания не предполагают убежденности относительно факта существования чего-либо или кого-либо.

Реалистская точка зрения: социальная онтология может способствовать эмпирическому успеху, находя правильные ответы на непосредственно имеющиеся онтологические вопросы. Теории и модели социальных наук становятся эмпирически адекватными посредством верифицируемости существования онтологических объектов.

Я не буду жестко защищать ни одну из вышеуказанных точек зрения. Я просто предлагаю прагматистскую точку зрения в качестве альтернативы реализму. Сторонники обеих версий ОВ!-аргумента желают установить связь между социальной онтологией и эмпирическими достижениями социальных наук. Однако должны ли мы рассматривать вклад данной дисциплины с прагматистской или реалистской точки зрения? Рассмотрим каждую из этих позиций применительно к вышеупомянутому примеру Эпштейна о «Старбаксе».

1. Реалистская точка зрения: высказывание «некоторые не-индивиды (non-individuals) являются причинами неплатежеспособности» истинно и делает возможными умозаключения в плане предсказания и/или объяснения, описывающие банкротство «Старбакса» (там, где подразумевается, что эти не-индивиды существуют).

2. Прагматистская точка зрения: высказывание «некоторые не-индивиды (non-individuals) являются причинами неплатежеспособности» делает возможными наши умозаключения в плане предсказания и/или объяснения, описывающие банкротство «Старбакса» (но оно не подразумевает, что таковые не-индивиды существуют).

Каждая из этих позиций говорит о разных путях, какими социальная онтология может содействовать успешным объяснениям и предсказаниям в социальных науках. При прочтении в духе доменных условий, социальная онтология вносит свой вклад вполне традиционным путем, принося некоторую онтологию, находящуюся в правильной связи с вещами в мире. При прочтении в аспекте «выводимых умозаключений», онтологические исследования в социальных науках могут приносить выгоды, обеспечивая нас высказываниями, которые позволяют конструировать умозаключения в плане предсказаний и/или объяснений там, где ранее нам не хватало возможностей делать такие умозаключения. То есть, с прагматической

точки зрения, роль социальной онтологии инструментальна, и, таким образом, должны ли мы конструировать онтологические высказывания для каких-либо научных целей, зависит не от фактов, а от качества самих умозаключений.

Если мы исходим из того, что кванторы существования в контексте социальной онтологии и социальных наук являются кванторами роли в умозаключениях, нам не нужно что-то большее, чем то, что мы уже имеем относительно вклада социальной онтологии в отношении её эмпирического потенциала. Правдоподобно и то, что вклад социальной онтологии хорошо объясним в плане её роли в конструировании самих умозаключений. К примеру, введение высказываний, выражающих убеждённость в не-индивидуальных объектах как причинах социальных явлений, делает возможным предсказание и/или объяснение банкротства «Старбакса». Тем самым облегчается построение связей в желательных для нас умозаключениях между базовой теорией и нашими наблюдениями. Эта функция умозаключений не делает обязательной убеждённость в существовании этих объектов, и не более валидные выводы из высказывания требуют истинности этого высказывания. Функция этих высказываний исключительно прагматична. Они могут открывать новые возможности, способствующие научным целям, совершенно не требуя, чтобы мы придерживались реалистской аргументации.

3.3 Онтологический выбор в экономике

Теперь я рассмотрю эволюционную экономику, как пример, когда социальные ученые могут принять прагматистские онтологические суждения, хотя при этом остаётся неясным, есть ли у них убеждённость в существовании самих онтологических объектов. То есть в этих случаях мы вполне можем объяснять потенциальный выбор, совершаемый экономистами, как результат прагматистских соображений, и не обязательно результат выбора какой-либо онтологии, надлежащим образом соответствующей социальному миру.

Начнем с рассмотрения онтологического вопроса, инспирированного анализом, проведённым Лозе: «Существуют ли популяции организаций, подходящие под определение дарвиновских популяций»? Как ранее утверждалось, можно рассмотреть два ответа на этот вопрос, каждый из которых применяет либо «доменное», либо «умозаключительное» прочтение квантора существования. Ответ, сформулированный прямолинейно, состоит в том, что такая популяция есть (или, что её нет).

Те высказывания, что используют «доменное» прочтение “Э”, говорят о том, что, независимо от языковой системы, используемой нами для того, существует что-либо, что мы можем правомерно (или неправомерно) назвать популяцией организаций и дарвиновской популяцией, – то есть это реальный объект, реализующий процесс естественного отбора, и представляющий при этом некое реальное множество. Но при «умозаключительном» прочтении нет необходимости утверждать существование такого объекта. Важна только та роль, которую играет этот объект, связанный квантором существования, и которая в итоге позволяет формулировать умозаключения относительно предсказываемых явлений или экспланандумов, представляющих интерес для социальных ученых. Вместо того чтобы решать проблему существования таких популяций, мы можем ограничиться вопросом об эмпирических достоинствах принятия такой позиции в отношении организаций, которая рассматривает их как пригодные для эволюционистских объяснений.

То, что эволюционных экономистов интересуют прагматические выгоды обращения к эволюционному подходу, вполне соответствует рациональной основе проекта эволюционного объяснения экономических систем в целом. Рассмотрим, к примеру, что говорит Меткаф о целях объяснений в эволюционной экономике:

«Каковы те явления, которые эволюционный подход к экономике стремится объяснить? В самом широком смысле они включают развитие структуры хозяйства, меняющиеся паттерны того, что производится, включая появление новых товаров и услуг, и уход существующих, меняющееся распределение ресурсов и меняющиеся паттерны расходов фирм и бытовых потребителей» [19, 26].

То или иное «эволюционное» описание дало бы нам путь к выработке объяснений экономических трансформаций. Почему это важно? Потому что релевантные альтернативы эволюционному подходу не столь эффективны в объяснении подобных трансформаций. Это, по крайней мере, по мнению участников дискуссии в этой области, говорит и о том, что мы должны перейти к модели некоторой альтернативной онтологии (в отношении той, что утверждается эволюционным подходом).

Аналогичную аргументацию можно встретить и в современных теориях фирмы. К примеру, это Эдит Пенроуз [20], чья теория демонстрирует интерес к экономическому изменению, с весьма тонким наблюдением того, как статичные модели фирмы в экономи-

ческой теории мейнстрима весьма неполны в отношении объяснения таких изменений. Что касается неоклассической фирмы:

«Нет особой разницы в том, рассматриваются ли перемены характеристик отдельной фирмы как меняющиеся размеры отдельной фирмы, или как порождающие появление новых фирм» [20, 12].

В итоге, можно полагать переход к эволюционной схеме в экономике как прагматистский. Когда нас интересует объяснение того, как отдельная фирма меняет и переориентирует своё производственное поведение с течением времени, наша теория не может оставлять в стороне вопрос об идентичности этой фирмы, в том числе идентичности её существования. При этом она также необязательно подразумевает, что некоторые фирмы таковы, что сохраняют эту идентичность на протяжении длительного времени (при прочтении с $\exists_{ду}$).

Помимо интереса к проблеме идентичности фирм, такие макроэкономические явления как экономический рост можно также лучше объяснить, используя эволюционные подходы. К примеру, Фостер [7] в этом пункте указывает на открытия, сделанные Робертом Солоу [27]. Последний, на основе неоклассической экономической теории и производственной функции Кобба-Дугласа, обнаружил, что 80% экономического роста в XIX в. остаются необъяснёнными. Как замечает Фостер, экономический рост следует правильно понимать именно как исторический процесс, — в чем статичные модели экономического равновесия нам могут мало помочь. Напротив, исторический подход есть подход отчётливо неравновесный, — в том плане, что экономические системы понимаются не как колеблющиеся вокруг фиксированных точек, но как постоянно меняющиеся.

Эволюционные экономисты движутся в направлении фундаментальной теории, объясняющей экономические трансформации как можно глубже, — и, вполне возможно, что тем самым они совершают и определённый выбор онтологии. К примеру, они могут выбрать (первый вариант) статичные модели равновесия с их репрезентативными агентами, максимизирующими полезность в условиях своих бюджетных ограничений, и фирмами, нацеленными на максимизацию прибылей; или же (второй вариант) неравновесные модели, которые, как полагают Допфер и Поттс [4], рассматривают экономики как сложные динамические системы, испытывающие постоянные трансформации. Выбор онтологии в этих случаях определяет то, что нам нужно объяснять и предсказать. А с прагматистской точки зрения — это ещё и проблема того, насколько успешно онтология позволяет нам добиваться эффективных научных результатов.

Следует ли тогда интерпретировать подразумеваемые здесь онтологические утверждения как утверждения, расчленяющие социальный мир на составные части? В этом, я полагаю, не видно никакой необходимости. Достаточно лишь определённых прагматических предпосылок, что у нас имеются. И даже сама наша способность к исследованию в области социальных наук гораздо лучше стимулируются именно прагматистским подходом. Сторонники реалистского ОВ!-аргумента, чтобы противопоставить этой точке зрения свою собственную, должны быть гораздо изобретательнее в отношении своих доказательств.

IV. Заключение. В чем же тогда заключается роль онтологии?

Из вышесказанного следует, что на аргументы сторонников реалистского ОВ!-аргумента, — если они потребуют, чтобы в их ответах применялся “ $\exists_{ду}$ ” — возлагается особая ответственность. Они должны основательно аргументировать то положение, что традиционная концепция социальной онтологии, разбивающая мир на части, способствует успехам социальных наук. В противном случае, принцип экономии мышления должен подтолкнуть нас к принятию иной точки зрения — прагматистской.

Эти позиции должны казаться знакомыми тому, кто уже знаком с дискуссией между научными реалистами и антиреалистами. Рассмотрим, к примеру, рассуждения об антиреализме Дюгема у Псиллоса:

«[Дюгем] спрашивает: можно ли развивать физику без того, чтобы сначала ответить на следующие два вопроса: (1) существует ли материальная реальность, отличная от чувственных ощущений? (2) И, если она существует, какова природа этой реальности?» [22, 28].

Описанная мной здесь прагматическая позиция предлагает то же самое и для социальных наук — в социальных науках нам нет необходимости отвечать на онтологические вопросы (вопросы и ответы с применением “ $\exists_{ду}$ ”) для того, чтобы иметь соответствующие эффективные результаты.

Однако, когда мы привносим в наши рассуждения метаонтологические соображения, касающиеся ОВ!-аргумента, в некотором роде всегда предполагается, что таковые соображения всё же должны быть. То есть, в ОВ!-аргументе, выдвигаемом в научной литературе, имеется определённая презумпция в пользу реализма, которая требует своего обоснования. Эта презумпция есть повод для некоей проблемы, поскольку она не только исходит из этого, и эта связь с миром чрез-

вычайно важна для достижения научных целей. Из-за этой презумпции в пользу реализма можно принять точку зрения, что значительная часть дискуссии о приоритете социальной онтологии по отношению к методологии социальных наук может быть сведена к дискуссии о научном реализме и антиреализме в социальных науках. Но, если это так, то это порождает новые вызовы для сторонников ОВ!-аргумента, потому что, в свете традиционных критериев, требующихся для реализма (например, возможности новых предсказаний), социальные науки столкнутся со значительными трудностями.

Однако я всё же утверждаю, что прагматистская точка зрения может иначе характеризовать этот приоритет, – в плане инструментальной ценности онтологических допущений для социально-научного теоретизирования, без соответствующей приверженности реализму. Я также утверждаю, что мы можем правдоподобно интерпретировать онтологический выбор в социальных науках в прагматистских категориях. А это, в свою очередь, опять же подталкивает нас к тому, чтобы мыслить социальную онтологию как обеспечивающую возможность умозаключений в направлении правильных научных предсказаний и объяснений (см. прим. 11). Но это не есть традиционная концепция социальной онтологии. Таким образом, социальная онтология может быть первичной по отношению к методологии социальных наук, но это никак не традиционно понимаемая социальная онтология.

*Пер. с англ. С.В. Моисеева,
Науч. ред. перевода А.М. Орехова*

BIBLIOGRAPHY

1. Carnap R. Empirism, Semantics, and Ontology // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1950. – Vol. 4. – P. 20-40.
2. Crane T. The Objects of Thought. – New York: Oxford University Press, 2013. – 182 p.
3. Dennet D. The Intentional Stance. – Cambridge: MIT Press, 1987. – 388 p.
4. Dopfer K., Potts J. Evolutionary Realism: A New Ontology for Economics // *Journal of Economic methodology*. – 2004. – Vol. 11. – P. 195-212.
5. Elster J. Excessive Ambitions // *Capitalism and Society*. – 2009. P. 1-21.

Орехов Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Междисциплинарного общества социальной теории (МОСТ) (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru;

Моисеев Сергей Вадимович – старший преподаватель кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (Новосибирск). E-mail: moisserg@hotmail.com.

---

6. *Epstein B.* The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences. – New York: Oxford University Press, 2015. – 298 p.
7. *Foster J.* Energy, Knowledge and Economic Growth // *Journal of Evolutionary Economics.* – Vol. 24. – P. 209-238.
8. *French S., McKenzie K.* Thinking Outside the Toolbox: Towards a More Productive Engagement between Metaphysics and Philosophy of Physics // *European Journal of Analytical Philosophy.* – 2012. – Vol. 8. – P. 42-59.
9. *Godfrey-Smith P.* Darwinian Populations and Natural Selection. – New York: Oxford University Press, 2009. – 207 p.
10. *Hannan M., Freeman J.* The Population Ecology of Organizations // *American Journal of Sociology.* – 1977. – Vol. 82. – P. 929-964.
11. *Hofweber T.* Ambitious, Yet Modest, Metaphysics // *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology.* – New York: Oxford University Press, 2009. – P. 260-289.
12. *Hofweber T.* Carnap's Big Idea // *Ontology after Carnap.* – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 13-30.
13. *Ladyman J., Ross D.* Everything Must Go: Metaphysics Naturalized. – New York: Oxford University Press, 2010. – 346 p.
14. *Le Bihan, B., Barton A.* Analytic Metaphysics versus Naturalized Metaphysics: The Relevance of Applied Technology // *Erkenntnis.* – 2018. <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0091-8>.
15. *List, C. and Pettit P.* Group Agency: The Possibility, Design, and Status of Corporate Agents. – New York: Oxford University Press, 2011. – 240 p.
16. *Little D.* New Directions in the Philosophy of Social Science. – New York: Rowman & Littlefield, 2016. – 280 p.
17. *Lohse S.* Pragmatism, Ontology and Philosophy of the Social Sciences in Practice // *Philosophy of the Social Sciences.* – 2017. – Vol. 47. – P. 3-27.
18. *McDaniel K.* Ways of Being // *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology.* – New York: Oxford University Press, 2009. – P. 290-319.
19. *Metcalfe J.* Accounting for Economic Evolution: Fitness and the Population Method // *Journal of Bioeconomics.* – 2008. – Vol. 10. – P. 23-49.
20. *Penrose E.* The Theory of the Growth of the Firm. – New York: Oxford University Press, 1959. – 304 p.
21. *Priest, Graham.* The Closing of the Mind: How the Particular Quantifier Became Existentially Loaded Behind our Backs // *The Review of Symbolic Logic.* – 2008. – Vol. 1. – P. 42-55.
22. *Psillos S.* Scientific Realism: How Science Tracks Truth. – New York: Routledge, 1999. – 341 p.
23. *Quine W.* 1953. On What There Is // *From a Logical Point of View.* – New York: Harper, 1953. – P. 1-19.
24. *Reydo T., Scholz M.* Searching for Darwinism in Generalized Darwinism // *British Journal for the Philosophy of Science.* – 2015. – Vol. 66. – P. 561-589.
25. *Rosenberg A.* Economics: Mathematical Politics or Science of Diminishing Returns? – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. – 288 p.
26. *Searle J.* Language and Social Ontology // *Theory and Society.* – Vol. 37. – P. 443-459.
27. *Solow R.* Technical Change and the Aggregate Production Function // *Review of Economic Statistics.* – 1957. – Vol. 39. – P. 312-320.
28. *Tahko T.* An Introduction to Metametaphysics. – New York: Cambridge University Press, 2015. – 258 p.
29. *Fraassen van B.* The Empirical Science. – New Haven, Yale University Press, 2009. – 304 p.

Примечания

1. В философии науки присутствует скептицизм относительно перспектив традиционных умозрительных методов исследования, применяемых аналитической философией, т.е. аналитической метафизикой или аналитической онтологией. К примеру, Ледимэн и Росс (Ladyman J., Ross D. *Everything Must Go: Metaphysics Naturalized*. – New York: Oxford University Press, 2010) утверждают, что аналитическая метафизика есть по большей части отживший проект и должна быть заменена натуралистической метафизикой, нацеленной на конструирование онтологии, неразрывно связанной с результатами научных исследований. Но есть и оптимисты, верящие в то, что аналитическая метафизика в различных формах может играть полезную роль, стимулируя, к примеру, научный прогресс в физике (*French S., McKenzie K. Thinking Outside the Toolbox: Towards a More Productive Engagement between Metaphysics and Philosophy of Physics // European Journal of Analytical Philosophy*. – 2012. – Vol. 8. – P. 14). Я рассматриваю все эти дискуссии в качестве параллели дебатам об ОВ!-аргументах в философии социальных наук.

2. Такой подход приводит в недоумение – как отмечает один из рецензентов, ошибочность онтологии ещё не ведёт к неверным предсказаниям. Во многих моделях и теориях, к примеру, применяется идеализация. Здесь часто приводят простые физические модели, где падающие тела не встречают сопротивления воздуха. Возможно, что ошибочные онтологии ведут к провалам в предсказаниях только в некоторых дисциплинах, но последнее утверждение – стратегия *ad hoc* для того, чтобы спасти данный тезис. В этом причина того, что в моей общей версии ОВ!-аргумента используется слово «может» – как допускающее эвристическо-инструментальные интерпретации этих аргументов.

3. Есть и другие умеренные взгляды. Лист и Петтит [15] аргументируют в пользу подобного ОВ!-аргумента в начале рассмотрения проблемы групповой субъектности – они придерживаются интенциональной точки зрения Деннетта [3]. Их позиция состоит в том, что подход к той или иной социальной системе, рассматривающий её как особого рода интенциональный объект, может в итоге способствовать порождению новых гипотез, а они, в свою очередь, помогают разработке объяснений или практических действий, которые мы в ином случае могли бы не увидеть. Такого рода взгляды совместимы с прагматической позицией, которую я представлю далее.

4. Я нахожу позицию Лозе озадачивающей. Он интерпретирует концепт «исследование» очень широко и, таким образом, не обязательно имеет в виду аналитическую философию. В то же время его точка зрения представляется несовместимой с прагматической точкой зрения, которую я представляю в этой статье. Таким образом, онтологическое мышление не только не основывается на инструментарии аналитической философии, но, – так получается в итоге, – оно еще и не сфокусировано на процессе научной аргументации как основе для ответов на онтологические вопросы.

5. Ван Фраассен [29] преподносит свой аргумент как аргумент против аналитической метафизики, но в качестве идеальной схемы метафизического вопроса он использует онтологический вопрос: «существует ли мир?» и рассматривает метафизику в качестве учения, дающего ответы на такие вопросы.

6. В этом анализе я разделяю точку зрения Tahko (2015).

7. Мейнонг Алексиус (1853-1920) – австрийский психолог и философ, автор онтологической концепции под названием «теория предметов».

8. Есть и те, кто придерживается хайдеггерианских взглядов, к примеру [18].

9. Обратите внимание на то, что интересы Хофвебера отличаются от моих. Его заботит создание интеллектуального пространства для вносящей подлинный вклад в социальную науку онтологии. Разграничение между кванторами доменных условий и

кванторами, выводимыми из умозаключений, позволяет принять основные утверждения о числах, которые дают математикам возможность идти вперед, не беспокоясь об онтологических вопросах, которыми, в частности, задается Хофвебер.

10. Поскольку главными объектами рассмотрения для меня являются Эпштейн и Сёрль, читатель должен понимать все отсылки к предмету онтологии и её эпистемическим целям как к предмету и эпистемическим целям аналитической онтологии.

11. В качестве альтернативы можно было бы принять точку зрения о том, что традиционная социальная онтология может быть лишь эпизодически полезна (иногда, возможно, эвристически) социальным наукам. Но тогда становится неясным, зачем стороннику таких взглядов принципиальные аргументы в пользу её приоритета, если существует возможность онтологической операционализации таких аргументов?

Поступила в редакцию 12.11.22 г.